

**ВИКТОР РАССОХИН
СЕРГЕЙ РАССОХИН**

Шапка

Поклон читателям!

В. Рассохин

С. Рассохин

Мономаха

* * *

**КАКАЯ ГОЛОВА СЮДА ВОЙДЁТ –
С ЗАЛЫСИНОЙ, С ПЯТНОМ ИЛИ С ПРОБОРОМ?
В СЕЙ СИМВОЛ ВЛАСТИ ТРУД ВЛОЖИЛ НАРОД,
ЧТОБ ВЛАСТЬ НЕ ЖГЛА ЕГО СВОИМ ПОЗОРОМ.**

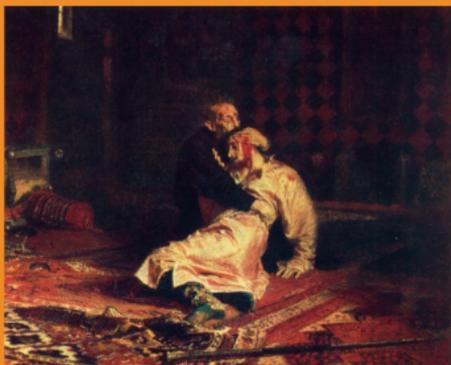

**После побоища Игоря Святославовича с половцами.
В. М. ВАСНЕЦОВ**

БУМЕРАНГИ ИСТОРИИ

Поединок на Куликовом поле (Пересвет с Челубеем).
М. И. АВИЛОВ

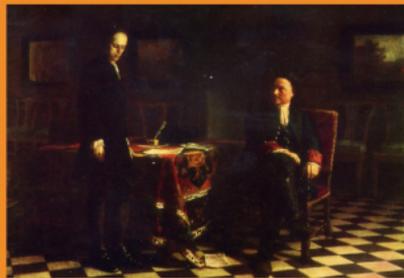
Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года.
И. Е. РЕПИН

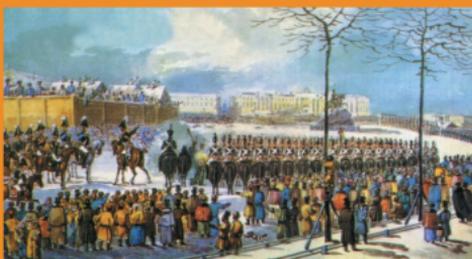
Московский застенок. Конец XVI века.
А. М. ВАСНЕЦОВ

Утро стрелецкой казни.
В. И. СУРИКОВ

Пётр I допрашивает царевича Алексея
Петровича в Петергофе.
Н. Н. ГЕ

На Сенатской площади 14 декабря 1825 года.
К. И. КОЛЬМАН

Дуэль Пушкина с Дантесом.
А. А. НАУМОВ

Виктор Рассохин
Сергей Рассохин

**ШАПКА
МОНОМАХА**

Поэма

Российская Федерация
Орёл, 2011

ББК 63.3(2)64

Р-24

Р-24 Виктор Рассохин, Сергей Рассохин
Шапка Мономаха. Поэма. 2-е издание
по просьбам читателей России и стран
СНГ. — Орёл, 2011. — 32 с., ил.

Витязь на распутье

В.М. Васнецов

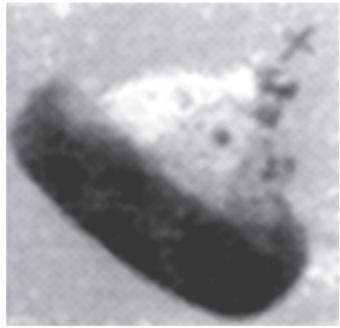
ИЗ БЕЗВРЕМЕНЬЯ — ВО ВРЕМЯ

*В который раз народ распят,
И кто спасёт нас от обмана?!
Кто он, грядущий наш собрат,
С причёскою «а ля Сократ»,
Или с прищуром Чингисхана?*

ISBN 978-5-89436-192-5

© В.В. Рассохин, 2011

© В.В. Рассохин, 2011

ШАПКА МОНОМАХА

*

Поэма

*В Мономахове шапце 2 ф. 30 зол.
без соболя
В. Даль*

*Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!
А. Пушкин*

Бой Добрыни
Никитича со
Змеем Горынычем
В.М. Васнецов

СОВРЕМЕННОКАМ

Горынычи бывают всякие:
Внутри страны и за границей —
Десятилицые, двоякие —
Их бейте правою десницей!

Силён, конечно, храбрый витязь,
Но и ему нужна подмога.
И, если дьявол топчет Бога,
Вы, ради Бога, распрямитесь!

С врагами Русь одна не справится,
Вступайте в битву с чёрной нечистью!
И может стать Земля — Красавицей,
А не позором человечества.

В палате Оружейной — шёпот, спор
У символов владычества и страха.
Одних — привлёк по золоту узор,
Другие — бриллиантам дарят взор,
Сергей Ручьёв — не слышит разговор,
Его волнует ШАПКА МОНОМАХА.

Мечи и сабли, копья и щиты
Остались где-то в детстве, на картинках.
А Шапка — в повседневье суеты
Нет-нет, да и всплывёт из темноты,
Заставив вновь пикеты и посты
Пересмотреть в дворцовых поединках.

И вот Она сверкает под стеклом,
Льют радугу камня-самоцветы,
Всходившие когда-то над челом,
Над низеньким и над высоким лбом,
Чьи кости нынче в камне гробовом...
Да, Шапка помнит внешние приметы.

Ей, может, абсолютно всё равно:
Глядят ли на Неё подобострастно,
Провидца украшать или бревно,
Когда оно на трон возведено...
И всё-таки под Шапкою темно,
Хотя вокруг от излученья ясно.

А что же в душах недругов былых?
Невольно мысль, как туча, набежала.
Кольнула ль память болью сердце их
За рваный шёлк штандартов боевых,
За кости павших прадедов своих,
С клинками залетавших на орало.

А может, просто вспомнили свой край,
Своих вождей и атрибуты власти.
Ведь, в сущности, хоть мехом подбивай,
Хоть золотом узоры вышивай,
Хоть лунной пылью Шапку обсыпай —
Не любит власть делить себя на части.

Первый посетитель

— Устал смотреть. В глазах моих рябит.
Я с малых лет под Шапкой пребываю,
Хотя и по характеру — гранит,
Ремёслами своими знаменит,
И, как всегда, в обрез бываю сыт,
Но книги просветителей читаю.

Советуюсь, поскольку опыт мал,
И счастлив тот, кто начал день до солнца.
Давно я молот Истине сковал,
Под многими разрушил пьедестал,
Зло разрушать не раз ещё придётся.

Неласковый характер у меня,
Но оттого не выгляжу печальней.
И жить хочу в сообществе огня,
Окалину и пепел не кляня,
Единственную заповедь храня:
Расплющить Ложь на жаркой наковальне!

Второй посетитель

Молчит в сторонке. Ухом не ведёт.
Рассматривает чудные камни:
— А я в земле копаюсь, славно крот,
Обвит, как воз, верёвками забот.
При всём при этом — в меру жну почёт,
Лишь не хватает ордена Терпенья.

С годами я к наградам поостыл,
Мозоли — это наши бриллианты.
По ним узнаешь, сколь потратил сил,
Когда сажал, когда хлеба косил,
Когда избу наследникам срубил,
Мы, как-никак, свои имеем планты.

Красива Шапка! Очень красива!
Увидела б Её моя старуха...
Стояла б ни жива и ни мертва
И долго удивлялась бы сперва:
— Ужели есть по Шапке — Голова?!
Смеясь овчине мужнего треуха.

А что треух? В треухе — хоть куда,
И в морось, и в морозы, и в метели.
Его и в ноги бросить не беда
При переплясе огненном, когда
На всех полях закончена страда...
А Эту брось! При мысли — холод в теле.

Третий посетитель

— Я вас невольно слушала сейчас,
Сказала дама в бежевом костюме.
Вы — бунтари. Сидит крамола в вас.
Что в бровь-то бьёте, если надо — в глаз?
Но хлеба вечно нету про запас,
И есть ли прок в незрелом вашем шуме?

Под Шапкой я сама изнемогла,
Она меня давно приворожила.
Ах, если б я практичная была!
Один совет в дорогу б вам дала:
Не пожелайте всякой власти зла,
И в хилой власти — не скудеет сила.

Я пробовала некогда стрелять,
Я пробовала мыслить планетарно.
Мне приходилось в тюрьмах голодать,
Культуру вместо тюрем насаждать,
То прибывать, то снова убывать,
Но всё-таки судьбе я благодарна.

О нет! Не равнодушна я к бунтам,
Порою скрипку первую играю.
И бой даю коронам и орлам,
Нередко возражаю божествам,
Чтоб не царил между людьми бедлам —
Свободы им и Равенства желаю.

Четвёртый посетитель

До зрелых лет я видел сей убор
То в книгах, то на красочных открытках.
Здесь камушки, конечно, на подбор.
Ну, мех есть мех, лиса ли там, бобёр...
И что Его разглядывать в упор:
Как все шапчонки — держится на нитках.

Монолог креста

Не первый век над Шапкой я стою,
На восьмиклинье золотых пластинок.
Опору твёрдо чувствую свою
И в людях как-то сразу узнаю,
Принявших сердцем истину мою
И жаждущих пойти на поединок.

Я вижу всё: какая в ком душа,
Открытая иль за семью замками.
Один — проходит мимо не спеша,
Другой — осмотрит Шапку, не дыша,
А третьи — пробегают мельтеша, —
Кляня весь двор запретными словами.

Примерить Шапку норовит не всяк,
Но мысленно примеривает всякий.
Один — в ней видит собственный кулак,
Другой — сигнал для будущих атак,
А третьи — зрят Судьбы счастливый знак,
Но в общем — каждый метит в Мономахи.

О, Шапка, Шапка! Поле битв ума,
Свидетельница тронных куролесиц.
Ужели ты не чувствуешь сама,
Что за тебя голов слетела тьма...
И есть ли на Земле ещё Чалма
И чем над ней встревожен Полумесяц?!

Такой же, ожемчуженный, как я,
Эмблема столь же мудрого Востока:
Из века в век — копьё против копья,
Отточенные злобой бытия.
Как жаждут крови эти острия —
Воды, что ль, не хватает для Пророка?!

По Сеньке шапка — ёмкие слова,
Чалма по Абдулле — одно и то же.
Когда на царство лезет голова,
Когда на шахство прётся голова,
Мой боже, ущеми её права —
Всё остальное сделают вельможи.

Монолог арабского цветка

Я ниже лучезарного Креста,
Зовусь ещё по-ласковому — лотос.
Припаян крепко к золоту листа,
Уже оглох от слова «красота»,
Увядшим стал при выдохе: «Мечта!»,
Но кто услышит собственный мой голос?

Для глаз чужих — я солнечен всегда,
Цвету, корней как будто не имею.
Их просто не увидеть никогда,
В крови они... Мне грезится вода,
А разве мне не хочется туда?
О как бы распластался я над нею!

Мой мастер предо мною — как вчера,
Дыханье его чувствую и руки.
И, зная, как борьба за власть остра,
Он отдавал мне дни и вечера,
Чтоб я светился символом Добра
И чем-то облегчал людские муки.

И если кто забылся у меня,
И если кто с собой унёс мой образ,
Из тьмы веков спешил к нему мой возглас!
И я цвету, не жалуясь на возраст,
Упавшим духом придавая бодрость,
Больших и малых деспотов кляня.

Монологи драгоценных камней**Сапфир**

Я так похож на крупную слезу.
Слеза бежит, а я застыл в оправе:
Не отразить внезапную грозу,
Безоблачного неба бирюзу,
Ни жизни той, что буйствует внизу,
Поскольку я причастен к царской славе.

А слава что для камня? Пустота!
Меня одно до глубины тревожит:
Когда добыта силой красота,
Когда слезой омыта красота,
Когда гнетёт кого-то красота
— То красотой быть она не может.

Рубин

Я — капля крови, пролитой в веках.
Та кровь лилась ручьями и потоком
На плахах, в рудниках, на Соловках,
По тюрьмам, в крепостях, на кораблях,
В селеньях, на дворцовых площадях —
И бунтовала перед царским Оком.

Но государей — кровь не удивит,
Они знакомы с кровью по бумаге.
История — на кровушке стоит,
И пусть учтёт порхающий пиит,
Что оды оным под ноги строчит:
Мой красный цвет замешан на отваге.

И з у м р у д

Зелёные надежды... Я хочу
Прийти сегодня к некому итогу:
Мильоны вас — достались палачу,
Служители — вам ставили свечу,
Лишь редкие, подобные лучу,
Заблудших выводили на дорогу.

Не сдержит вас смертельная бразда!
Надежды, ненавидя мрак запрета,
Встают над подневольностью труда,
Над вечной «невиновностью» суда,
И крылья ваши просятся всегда
Не на закат, а в сторону рассвета.

М о н о л о г с о б о л я

А я сбегу в окрестные леса,
Я никогда не видел Подмосковья.
Заказана нам эта полоса,
Здесь испокон лукавствует лиса,
Но не редеют птичьи голоса —
Умело контролирует гнездовья.

Так хочется себя мне разогреть,
За сотни лет кровлица застоялась.
Кольцом лежал, уж лучше околеть,
Чем около брильянтов замереть
И безучастно в публику глядеть,
Которая пред Шапкой изгибалась.

О как бы я вспылел сейчас снега,
Вдохнул бы хвоей утреннего леса!
Печаль не в том, что далёко тайга,
А в том, что согреваю жемчуга,
Чья жизнь и без собольей дорога
И в каждом будит вспышку интереса.

Я видел любопытнейших людей,
Все шапки перед Шапкой замирали:
Треухи волчьи, лисьи, из хорька,
Из выдры, горностая, колонка...
Что заячьи? Бобры! И за века —
Какие шапки только не мелькали!

И пыжились, глазели свысока,
Но, видя надо мной зарю каменьев,
В единый миг лишались языка,
Вперялись взгляды в своды потолка,
И мысль была пришибленно-мелка
У подданных в минуты прохожденья.

Хотя бывали крепкие умы,
Во лбу семь пядей, даже и поболе.
И видели они сгущенье тьмы,
Но кто хотел сумы или тюрмы,
Жарыни лета, холода зимы,
И прочих видов гербовой неволи?

Не лучше ль улыбнуться лишний раз,
Себе приятно и особе мило.
На преданность давно намётан глаз!
Глядь — шуба с плеч иль свеженький указ,
И пусть в те годы не было лампас,
Но форма многим головы кружила.

А к ней в придачу тысяча дворов,
Дела идут фанфаристо и гибко:
Заметен в свите, баловень балов,
На грудь взлетает стая орденов,
В любой момент монарх принять готов,
Коль вовремя подарена улыбка.

Я позабыл свою соболью речь,
Но всё ж кляню людское униженье,
Того, кто обнажить боится меч,
Когда костями за правду надо лечь,
Того, кто хочет выгоду извлечь
Из родника чьего-то вдохновенья.

Покуда бьёт сознание рабья дрожь,
Не станет человек — человеком.
Дрожа, конечно, дольше проживёшь,
С прямой дороги — тыщу раз свернёшь,
Попросят — другу горло перервёшь,
Не всё ль равно насытиться чьим веком?

Заесть его, зашамкать, зажевать,
Чужой-то век не мёд, но всё же сладок...
Земляне! Разучитесь угождать,
Наушничать, внезапно нападать,
Клянусь вам мехом: хлынет благодать!
А кто на благодать у нас не падок?

В леса, в леса, в леса хочу уйти,
Из-под стекла от взглядов восхищённых.
Я не хочу быть в царственной чести,
В соболий род лежат мои пути,
Скорей туда бы лапы унести,
Где в ясный день, как в сумерках зелёных,

Родная глушь, треск тонкого сучка,
Хвоинки на быстринке родниковой,
Орех кедровый, свист бурундука,
Замятый утром рябчик у пенька,
Ещё горячий, начатый с бочка,
И всё это при свежести сосновой.

И пусть охотник выследит меня,
И пуля пусть прошьёт меня навывлет,
Пусть голову расплющит западня,
Охотник прав... И, труд его ценя,
К добыче вдруг потянется родня,
И кто-нибудь к пальто меня пришьилит.

Пришьёт, как говорится, навсегда.
Но это лучше, чем страдать в музее.
Я буду знать, что грею в холода,
Что ветер мех взъерошит иногда,
Иль он блеснёт на солнце, как слюда,
А выпадет — почую, что старею.

В леса хочу, в леса через стекло,
Чтоб за века — на сердце отлегло!

Монолог Шапки

Народ уходит. Головы болят
От дорогих и редких экспонатов.
Зовёт Москва — кого в Калашный ряд,
Тем — зрелищ дай, другим —
Нескучный сад,
А те, кто здесь впервые, норовят
Слух усладить мелодией курантов.

И вот мы, добрый молодец, одни.
Позволь мне в тихий час тебе открыться:
Не тяжела я, слово помяни,
Трёх фунтов нет, не веришь — подними,
И не рублями суть мою цени,
А как мой вес на голову ложится.

На темя ли приходится, на лоб,
Иль набекрень, иль просто на затылок.
Есть люди — дышат властущкой взаклёб,
Другие — с ней ложатся раньше в гроб,
А третьи — на неё зовут потоп,
Боясь своих же собственных ошибок.

О льстивейшие тронные реча!
С методой повсеместного внушенья.

За вязью слов — улыбка палача,
За вязью слов — блеск лезвия меча,
За вязью слов — противнику свеча,
Потом обеда — символ всепрощенья.

Фазаны, осетрина, виноград,
Икорка, куропатки, поросёнок.
Вино всех марок, словно на парад,
Посмотришь — этикеткам будешь рад.
Но это лишь заметит рабский взгляд —
За яствами и старый, как ребёнок.

Для них ведут охоту круглый год
Все егеря и прочая прислуга,
Как будто неизбывен перелёт,
Как будто постоянен икромёт,
Как будто бы их благородней рот,
Хотя кусают намертво друг друга.

В душе, конечно. Внешне — благодать.
Хозяева и гости понимают,
Что надо роли искренне сыграть:
Смеяться, улыбаться, руки жать,
На танец жён взаимно приглашать,
И не дай бог, коль жёны заскучают!

Тогда держись, почтенные мужи.
Обида будет высказана смело.
Ушатов нет, там льют духами лжи,
Они сильней парижских и свежи.
Но так свежи, что сразу в гроб клади
Бездушное откормленное тело.

Мне памятны столь частые пиры,
И драчки, и убийства, и альковы.
В тенётах государственной игры
Блистают гениальностью воры,

Их стража остро точит топоры —
Монархи вечно к истине суровы.

Ещё суровой — толпы монаршат:
Застенки отшлифованы до глянца.
Там до суда — убить быстрее спешат,
Помилованных — вовремя казнят,
Награды снимут — снова возвратят,
И мёртвого — заставят улыбаться.

Смотрю спокойно — кто меня поймёт?
Кому в глаза с укором не глядела?
Един на свете над холопом гнёт,
Жара ли душит, вьюга ли метёт,
И каждый венценосец сознаёт,
Что он рождён — для праведного дела.

Всё остальное — глина и песок,
Что захочу, то и леплю, как знаю...
Так думают калифы на часок,
Правители, каким не мерян срок,
Тиранствуют и жмут из глины сок,
Живут в раю и не стремятся к раю.

Он здесь у них — на горестной Земле,
От пота и от крови почерневшей.
Им невдомёк и думать о тепле,
Кому нужны морщины на челе,
Чтоб хлеб лежал всё время на столе
За тяжкий труд у черни непрозревшей.

Кончаю откровенный разговор,
Мне думалось, что я глухонемая.
Не страшен мне палаческий топор,
Что из покоев — вынесла я сор.
Не век, не два идёт по свету спор:
А, может быть, и вправду тяжела я?

Ответь мне, неизвестный человек,
Мне всё равно, холоп ли ты, боярин:
Чем мучает тебя идущий век,
Чем радует тебя спешащий век,
И чем увлѣк тебя летящий век,
И чем ему ты сердцем благодарен?

Монолог Ручьѣва

Тебе видней — ты здравствуешь века.
А мне отрезок века предназначен.
Отрезок века — жизнь невелика,
Едва лишь мать отнимет от соска,
Потопчешься, походишь... и — тоска,
А за тоской — родня зайдѣтся в плаче.

Что мучает? Обилие смертей.
На кладбища — накатанная трасса.
Отцов теряем рано, матерей,
Товарищей по жизни и друзей,
Любимых и возлюбленных, детей...
И сам в плену у рокового часа.

Ускорил нашу смерть автомобиль,
Ускорила красавица-ракета,
Ускорила урановая пыль,
Гросс-шпионаж, трагичный Чернобыль,
Морей, залитых нефтью, сотни миль
С болезнями без ясного ответа.

О войнах я не стал бы говорить:
Их заклеямили все народы мира.
Но Мир не хочет к людям приходить,
Бродягою всемирным хочет быть,
Покуда не научатся любить
Вселенную, а не галун мундира.

Восток уже горел со всех сторон,
Что в Азии — не понаслышке знаем.
И Африка — при выборе знамён...
Ещё назвать кровавый бастион?
Желудок у войны ненасыщаем.

Не оттого ли, тишь когда звенит
На озере, в лесу или в квартире,
Я вижу, как (нацелены в зенит
Свои ракеты, те — что ставит Смит,
И вижу пирамиду, где стоит
Мой автомат ЛН 704.

Не выбить этот номер, не стереть,
У Смита автомат такой же точно.
Мы можем ими мастерски владеть,
Но, если нас обоих скосит смерть,
Хотелось бы всем флагам прохрипеть:
Нельзя ли их... под стёклышко...

досрочно.

И, чтоб в моей или в его стране,
Распутав все военные секреты,
Другой Сергей, что вырос не при мне,
И Смит другой, что не горел в огне,
Читали б на табличке в тишине:
«ПОСЛЕДНЕЕ ОРУЖИЕ ПЛАНЕТЫ».

И что обидно — в океане лжи
Решаются проблемы компанейски.
Для дум — берут повыше этажи,
К тому же все восточные мужи
Одеться норовят по-европейски.

Учёные — сплошь доктора наук,
Попробуй в них заметить генерала.
Работают не покладая рук,

Замысловато строя виадук,
Чтоб он пролёт не сразу и не вдруг
От лезвия меча и до орала.

От их речей — в загоне благодать.
Над естеством — насилие, как беркут.
Моря привыкли нефтью покрывать,
Свежайший воздух — нефтью вытеснять,
В тупик — народы нефтью загонять,
Не от неё ли судьбы наши меркнут?!

Казалось бы — огонь огню сродни,
И миру в мире — время подоспело.
Зачем же сокращать земные дни,
Ведь не настолько солнечны они,
Чтоб сей прогресс оставил нас в тени,
Забыв, что у людей — душа и тело.

Но кто теперь послушает меня?
Безумцем назовут, врагом прогресса.
Политики накинутся, кляня,
Философы окрысятся, браня.
На мой протест, опасным оценив,
Клыки покажет розовая пресса.

— Возможно ли — заводы сокращать?
— Отдать под стадионы — полигоны?
— Уран для нужд страны не добывать?
— Разведчики? Без них не сдобровать!
— И что ж теперь, совсем нам не хворать?
От рака — не спасают миллионы.

...Теперь скажу о радости своей,
Что радует меня, как ясность неба:
Святая многодетность матерей,
Сиянье акушерок и врачей,
Но тают эти чувства у людей,
Как тает запах утреннего хлеба.

Луга, отяжелевшие в росе,
Стада у закувшиненных речонок,
Навек — безаварийное шоссе,
Пчелиный город в лесополосе
И васильки в простой своей красе,
Когда бегут к ним взрослый и ребёнок.

Редеющая цепь очередей,
Оконные смеющиеся стёкла,
Романтика нехоженых путей,
Противоборство полюсных идей,
Неверие в божественность вождей,
В крови чья репутация подмокла.

А как целебен искромётный смех!
С ним и женьшеню спорить неохота.
Он будит чувства добрые у всех,
С ним в зной прохладней и теплее в снег,
С ним кровь играет, просится в разбег,
И крылья вырастают для полёта.

Чем век увлѣк? Вопрос не обойду,
И, в сторону отбросив суматоху,
Скажу, что я на Марс не попаду,
И мне не призвездиться на звезду,
Но я причастен к общему труду,
Что старт ускорил в лунную эпоху.

Эпоху межпланетных кораблей,
Особого космического братства...
Средь кратеров и высохших морей
Посланцам будет, может быть, видней
И миллиардам ждущих их людей,
Что от Земли — не стоит отрываться.

Пусть будет Марс, пусть будет энный шар,
Пусть кто-нибудь родится на Венере...
Дерзание — неугасимый дар,
Им окрылён извечно млад и стар,
Но космос, как загадочный нектар,
Ещё пчелой рабочей не проверен.

Тогда дороже станет колосок,
Под нивы — отведутся полигоны.
И каждый стебель, зернь его и сок
Подкормку заполучит точно в срок,
Как получает нынешний стрелок
Бесплодные гранаты и патроны.

Тогда и нефть не выплеснут в моря,
В природе не устроится прополка:
Ты будешь рад икринке пескаря,
В бору услышишь чаще глухаря,
И всякий раз, душе настрой даря,
О прожитом напомнит перепёлка.

Прости мне, Шапка: тайны не таю,
Что я не мог короче и потише.
Я сам — Ручьёв и за ручьи стою,
Чтоб никогда фамилию мою
Не только здесь, в заоблачном краю —
Не посчитали умершей и бывшей.

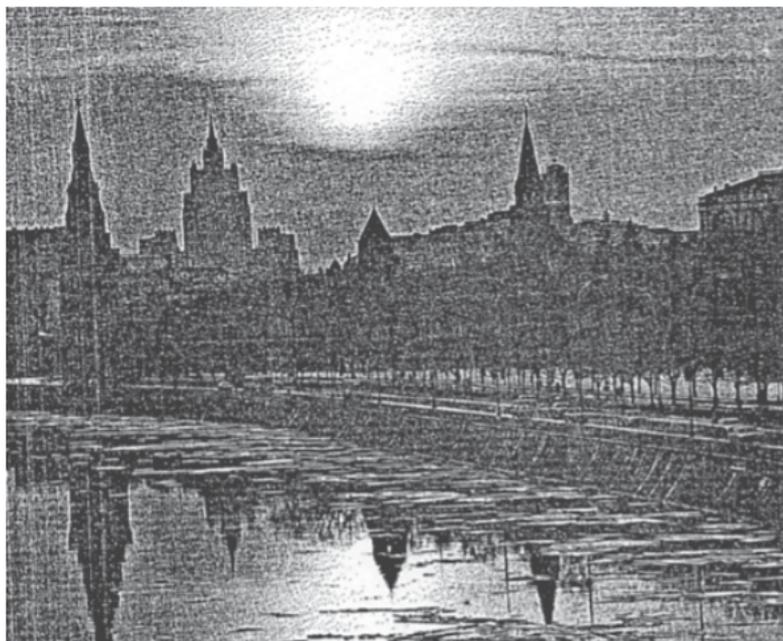
Монолог зрителя

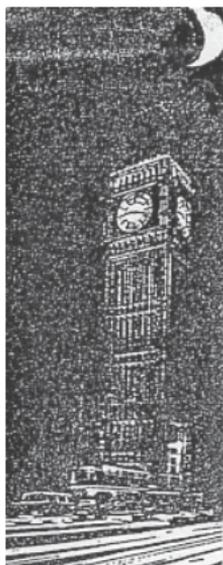
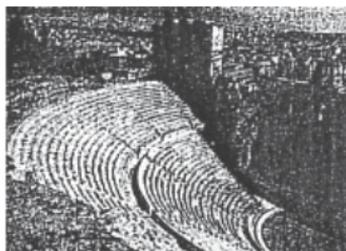
Ну что, сынок? Пора идти домой.
Отведал, говоришь, духовной пицци?
Вещам — он тоже следует покой.
За десять лет я стал им не чужой.
Меня зовут соседи Калитой,
Хотя тот князь передо мною — нищий.

Куда ни глянь — бесценный капитал,
Тут столь бывает люда от науки...
А я скажу про Шапкоарсенал,
В каких бы кто парчах ни щеголял,
Оружием каким бы ни сверкал —
Все редкости в мои приходят руки.

Что было и что будет впереди,
Пускай осмыслит нынешнее племя.
Наскоком лучше к нам не приходи,
Товарищей с понятием воды,
Зри в корень! И на память затверди:
Здесь что ни вещь — работает на Время.

...Как не принять отеческий совет?!
Сергей шатал и думал о совете...
Москва вбирала предвечерний свет,
Устав от двух ответов «ДА» и «НЕТ»,
От суеты, бензина, сигарет —
Как всякая столица на планете.

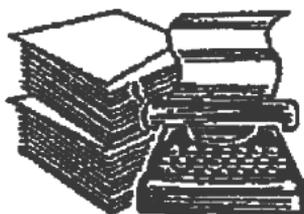

ЗА ИСТИНОЙ

Простые люди — выше власти.
И самый высший — их закон.
И, словно за зарницей счастья,
Идём к ним снова на поклон.

А власть — прекрасная зараза,
Она ущербна испокон.
У ней всегда — дитя без глаза,
А старец — выжат, как лимон.

Хотя и ей бывает тяжело
От революций и утрат.
Но через кровь ползёт, бедняжка,
Из аппарата — в аппарат.

Власов

Гасов

*У памятника
репрессированным.
Одно из скорбных
мест на Орловщине*

*Книги
подарены
ветеранам.
Так
держат!*

**Виктор Васильевич Рассохин
Сергей Викторович Рассохин**

ШАПКА МОНОМАХА

Поэма

2-е издание

по просьбам читателей России и стран СНГ

Подписано в печать 06.04.2011 г. Формат 70x90¹/₃₂.

Бумага офсетная. Усл. п. л. 1,17.

Тираж 1000 экз. Заказ № 1614

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО "Типография "Труд". 302028, г. Орёл, ул. Ленина, 1.

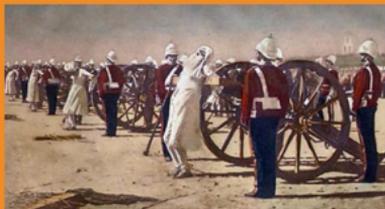
ЦЕНТРОБЕЖНЫЕ СИЛЫ ЭПОХ

Василий Васильевич Верещагин, великий художник Земли, бывший кистью войну и завоевателей прошлого, настоящего и будущего...

Апофеоз войны.

Английская казнь в Индии.

Казнь первомайцев.
Апрель 1881 года.

Картины Е. ШЕФА

Триумфы авангарда. Фрагмент.

Представляют трофеи.

Песочные часы.
П. БЕЛОВ

Космическая
устремленность.

Выбор пути. Фрагмент.

“Враги народа”.
Н. НЕДБАЙЛО

Безумие карается.

За взорванный храм
Христа Спасителя
и репрессии.

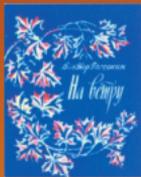
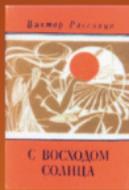

Земное
притяжение.

Кто там ещё???

АВТОРЫ - ЧИТАТЕЛЯМ

Виктор Рассохин
Сергей Рассохин

